

Скворцов А.М.

«Вечерние беседы» и их роль в формировании научной школы М.С. Куторги

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3610>]

[**Публикация работы:**]

Скворцов А.М. 2011: «Вечерние беседы» и их роль в формировании научной школы М.С. Куторги // Мир историка: историографический сборник / В.П. Корзун, С.П. Бычков (ред.). Вып. 7. Омск, 179-192.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHE FORSCHUNGS- UND STUDIENZENTRUM
FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

**МЭТРЫ И УЧЕНИКИ.
ОСОБЕННОСТИ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

А.М. Скворцов

**«Вечерние беседы»
как начальный этап становления учёного
в антиковедческой школе М.С. Куторги**

М.С. Куторга (1809–1886 гг.) был не только прекрасным лектором, глубочайшим знатоком античности, профессионалом своего дела, но и талантливым педагогом, настоящим учителем. Он настаивал не на воспроизводстве учениками уже готового знания, а на самостоятельном вдумчивом исследовании источника, что единственное позволяет сформировать собственное видение проблемы. С целью введения молодых людей в науку Куторга стал проводить у себя на дому неформальные встречи, или «вечерние беседы»¹, где знакомил студентов с «методом научных занятий, с требованиями научного исследования»².

На наш взгляд, дискуссионным является вопрос о времени организации «вечерних бесед». Большинство исследователей творчества М.С. Куторги говорят о конце 40-х гг. XIX в., опираясь на записку профессора В.В. Бауера, помещённую в труде В.В. Гри-

© А.М. Скворцов, 2011

¹ Этим словосочетанием В.В. Бауер в записке о своём учителе называет мероприятие по подготовке молодых людей к занятиям наукой. Оно имело неформальный характер и проводилось на дому у М.С. Куторги: *Григорьев В.В.* Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 216.

² *Григорьев В.В.* Указ. соч. С. 216.

горьева³. В литературе имеется и другая точка зрения относительно начала проведения домашних семинаров – 1839 г.⁴ Она принадлежит некоему В.Б. Современный исследователь А.Д. Константинова пришла к выводу, что этот псевдоним принадлежит В.А. Бильбасову⁵, с которым у мэтра были довольно близкие отношения, что устанавливается благодаря переписке 1863–1870 гг. Однако если судить по содержанию очерка, особенностям стиля, а также дословному воспроизведению ряда предложений из статьи о М.С. Куторге в труде В.В. Григорьева, можно предположить, что под этими инициалами скрывается В.В. Бауер. Из этого следует, что почти через полтора десятка лет после выхода монографии о Петербургском университете автор изменил свою точку зрения. Попытаемся разобраться в причине этого.

Студенческие годы В.В. Бауера относятся к 50-м гг. XIX в. К этому времени, на наш взгляд, о школе М.С. Куторги можно говорить как о сложившемся явлении: авторитет учителя в научной среде достаточно высок, под его руководством было защищено 3 магистерских (В.М. Ведровым, М.М. Стасюлевичем, Н.А. Астафьевым) и 1 докторская диссертации (М.М. Стасюлевичем). Ученики себя позиционировали именно как научное сообщество, во главе которого находился их любимый профессор всеобщей истории Михаил Семёнович. Следовательно, Василий Васильевич не мог наблюдать процесс складывания данной антиковедческой школы лично, и всю информацию об этапе её становления он мог почерпнуть из бесед с очевидцами, на глазах которых этот процесс происходил. Хороший повод окунуться в прошлое, вспомнить, как всё начиналось – юбилей. В 1882 г. в усадьбе Борок Могилёв-

³ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению / отв. ред. В.Н. Гинев. СПб., 2000. С. 13; Шофман А.С. Основные проблемы истории античной Македонии в историографии // Уч. зап. КГУ. Серия «История». Казань. Т. 114. Кн. 5. С. 187; Константинова А.Д. Жизнь и научная деятельность М.С. Куторги // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1964. С. 94; Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., 1999. С. 170.

⁴ В.Б. Празднование пятидесятилетнего юбилея учёной деятельности М.С. Куторги // ЖМНП. 1883. Ч. ССХХVI. Апрель. С. 62.

⁵ Константинова А.Д. М.С. Куторга как историк античности: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1966. С. 11.

ской губернии с размахом отмечалось 50-летие научной деятельности М.С. Куторги: были приглашены ученики мэтра, местная интеллигенция, чиновники. Вероятно, именно здесь и прозвучала дата 1839 г. как начало «вечерних бесед». Позже она была помещена в статью В.В. Бауера 1883 г.

В нашем распоряжении имеются также и другие сведения, указывающие на раннюю дату начала проведения домашних семинаров мэтра. А.А. Чумиков, студент второй половины 30-х гг., в воспоминаниях отмечает, что М.С. Куторга был едва ли не единственным профессором в Петербургском университете, который «частным образом» руководил ограниченным количеством слушателей в их занятиях историей⁶. Как правило, общение студентов и преподавателей ограничивалось стенами университета. По всей видимости, эти неформальные встречи не принесли желаемого М.С. Куторгой эффекта, он остался не удовлетворён работой своих подопечных, и никто из них после окончания учёбы не пошёл по его стопам. Поэтому домашние семинары продолжались недолго и вскоре были прекращены⁷. Возможно, первая попытка собрать вокруг себя молодых людей для занятий античностью оказалась провальной потому, что с 1838 г. Михаил Семёнович преподавал всеобщую историю только лишь юристам⁸, которые в большей степени являются «прикладниками». У них, вероятно, не было желания посвящать себя исторической науке.

Но в начале 40-х гг. XIX в. М.С. Куторга начал читать лекции на первом историко-филологическом отделении философского факультета. Кроме этого, в 1842 г. ему было поручено проводить педагогические занятия по истории, географии, статистике с казённокоштными студентами, готовящимися к учительскому званию⁹. М.С. Куторга в 1842 г. в прошении в Совет Петербургского университета отмечал: «Весьма натурально, что только профес-

⁶ Чумиков А.А. Студенческая корпорация в Петербургском университете в 1830–1840 гг. (из воспоминаний бывшего студента) // Русская старина. 1881. Т. 30. № 2. С. 377.

⁷ А.А. Чумиков сообщает, что они существовали «короткое время». См.: Там же.

⁸ Григорьев В.В. Указ. соч. С. 218.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4336а. Л. 401; Формулярный список М.С. Куторги // РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 255. Л. 16–17 об.

сор может с пользой делать практические упражнения, который сам читает лекции студентам, потому что сии упражнения не что иное, как практическое приложение всего того, что они услышат на лекции»¹⁰. Из отрывка следует, что Михаил Семёнович вовсе не планировал объяснять студентам в данном курсе приёмы и методы обучения гимназистов, хотя по замыслу в этом и состояла его суть. Но мэтр был убеждён, что искусству педагогики нельзя научить¹¹. Поэтому эти занятия он превратил в практические упражнения, которые представляли собой тщательную проработку первоисточников и специальной литературы по указанной теме. И здесь М.С. Куторга не был новатором – он перенёс немецкий опыт («historico-practico»¹²), с которым познакомился в Профессорском институте в Дерпте, на русскую почву.

Ещё одна форма занятия, с которой М.С. Куторга познакомился в Дерпте, – «disputatorio» – обсуждение в виде дискуссии рефератов воспитанников¹³. Как показывают архивные материалы, и этот метод Михаил Семёнович использовал для обучения специализирующихся у него студентов. Так, он отмечает, что именно благодаря посещению в течение 3-х лет (1843–1846 гг.) педагогических занятий, В.М. Ведров написал «отличную» кандидатскую диссертацию об афинском тиране Критии¹⁴. То есть и первые научные работы молодых историков создавались, правились и обсуждались в ходе «педагогических занятий». Кроме этого, нельзя отрицать, что уже в начале 40-х гг. М.С. Куторга приглашал к себе на квартиру ограниченный круг лиц для обсуждения учёных сочинений своих воспитанников, что практиковалось им, как уже нами отмечалось, короткое время во второй половине 30-х гг. Таким образом, по смыслу «педагогические занятия» являлись теми

¹⁰ Представление в Совет Императорского Санкт-Петербургского университета от 1-го отделения философского факультета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4531. Л. 1 об.

¹¹ А.Ч. Петербургский университет полвека назад. Воспоминания бывшего студента // Русский архив. 1888. Кн. 3. № 9. С. 142.

¹² См.: Мадиссон Ю.К. Молодой Куторга (к вопросу о возникновении русской исторической науки об античности) // Уч. зап. Тартуского университета. Труды историко-филологического факультета. Таллин, 1956. Вып. 43. С. 17.

¹³ Мадиссон Ю.К. Указ. соч. С. 18.

¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 160. Л. 1.

же «вечерними беседами», о которых писал В.В. Бауер. А значит, и формирование рассматриваемой научной школы следует относить к 1842 г. Именно с этого времени исторические семинары начали проводиться мэтром систематически. Вероятно, попросту М.С. Куторге не хватало времени для обсуждения всего запланированного на «педагогических занятиях» в стенах университета, и он сделал в дополнение неформальные встречи избранных студентов у себя на квартире. Вышесказанное позволяет нам опровергнуть точку зрения В.С. Брачёва о том, что система регулярных семинаров в Петербургском университете сложилась на рубеже XIX–XX вв.¹⁵ Её зарождение произошло намного раньше и связано с деятельностью М.С. Куторги.

В ходе «вечерних бесед» постигался критический метод исследования, который, по мнению М.С. Куторги, необходимо усваивать именно на основе античной традиции. Магистерские диссертации его воспитанников были посвящены исключительно древнегреческой истории, хотя позже некоторые ученики переключались и на другие эпохи. Причём требовалось чтение источников на языке оригинала, что единственное способствует более вдумчивому, внимательному изучению классических авторов, а также постижению их менталитета. Отчасти по этой причине не каждый студент мог попасть на квартиру к строгому профессору. Мэтр обращал внимание лишь на тех, кто достаточно хорошо владел древнегреческим языком и латынью. Но и это было не главным критерием. М.С. Куторга персонально приглашал на эти дополнительные занятия лишь тех, кто уже имел достаточно прочные знания и ярко выраженный интерес к науке, поэтому для начинающих историков было честью, что суровый преподаватель обратил на них внимание и выделил из числа сокурсников. Показателен пример с одним из вольнослушателей Петербургского университета конца 40-х гг. XIX в. Н.А. Арбузовым, который, восхитившись эрудицией М.С. Куторги на лекциях, попытался попасть к нему на домашние семинары. Михаил Семёнович, видя недостаточную подготовку по предмету молодого человека, посоветовал

¹⁵ Брачёв В.С. Наша «петербургская школа историков» и её судьба. СПб., 2001. С. 130; См. также: Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 66.

ему не приступать к занятиям наукой и даже не посещать университетских лекций в течение полугода, потратив это время на изучение древних языков¹⁶. Вместе с тем мэтр рекомендовал читать сочинения Ф. Гизо, О. Тьерри и Б.Г. Нибура. Именно их сочинения повлияли на становление М.С. Куторги как учёного. Два первых – представители французской романтической школы, считавшие, что возникновение классов, а следовательно, государства связано с завоеванием пришлым населением местного. Эту теорию М.С. Куторга применил к античному материалу¹⁷. А Б.Г. Нибуру принадлежит первенство в разработке критического метода в историческом исследовании¹⁸.

Таким образом, М.С. Куторга предпочитал не массовую подготовку учеников, а штучную, приглашая на «вечерние беседы» только избранных. Это свидетельствует о том, что вокруг него сосредотачивались довольно сильные личности, которые из кожи вон лезли, доказывая свою способность к занятиям наукой, чтобы пробиться к именитому профессору.

Главной целью домашних семинаров М.С. Куторга считал привитие неопитам навыков самостоятельного исследования проблем истории, чтобы в будущем из-под их пера выходили качественные, удовлетворяющие требованиям мировой исторической науки работы. О своих частных занятиях он говорил: «Здесь мы... учимся писать»¹⁹. И следует отметить, что его старания не пропадали даром, а наоборот – увенчивались успехом учеников. Работы некоторых из них благодаря «вечерним беседам» удостоивались университетской награды. Так, В.В. Бауер в 1855 г. получил серебряную медаль за работу о влиянии древневосточной культуры на античную. Задание было сформулировано следующим образом: «Описав в общих чертах новейшие открытия в Малой Азии и

¹⁶ *Арбузов Н.А.* Мой журнал, или Сборник ежедневных впечатлений // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 85–85 об.

¹⁷ *Алпатов М.А.* Мировоззрение М.С. Куторги и его концепция истории древней Греции // ВДИ. 1955. № 3. С. 184.

¹⁸ *Умбрашко К.Б.* Б.-Г. Нибур как историк древнего Рима // Восток – Запад: проблемы взаимодействия. История, традиции, культура: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящённой памяти профессора А.В. Эдакова. Новосибирск, 2007. Ч. 1. С. 57.

¹⁹ *Арбузов Н.А.* Указ. соч. Л. 90.

Ниневию, представить состояние ассирийско-фригийской образованности и указать ее влияние на древнюю Грецию»²⁰. М.М. Стасюлевич в 1847 г. также заслужил серебряную медаль за сочинение, посвящённое гомеровскому вопросу, актуальному и по сей день: «Доказать, что в "Илиаде" и "Одиссее"... нельзя найти никаких верных указаний на существование искусства письма, ... что все песни по одиночке сначала не были написаны, а как время и случай подавали к тому повод, составлены силою вдохновения непосредственного; что потом были заучиваемы; часто повторялись наизусть, увеличивались или сокращались; впоследствии же предавались письму, что таким образом составились те два пространных стихотворения, которые дошли до нас»²¹. Интересно, что в студенческие годы будущий революционер-демократ Н.Г. Чернышевский хотел разрабатывать предложенную кафедрой всеобщей истории (а значит М.С. Куторгой) в 1849/1850 учебном году тему о Клеоне на соискание медали. Она была сформулирована так: «Представить жизнеописание афинянина Клеона: для чего рассмотреть известия древних писателей о его происхождении, рассказать его военные и гражданские действия, описать топографически город Пилос и остров Сфакторию и нарисовать подробный их план; объяснить отношение Клеона к комедии и рассмотреть лицо его у Аристофана»²². Однако Н.Г. Чернышевский опоздал с просьбой о принятии его в число участников конкурса. И золотую медаль получил студент IV курса Александр Воронин, который регулярно участвовал в «вечерних беседах», проводимых М.С. Куторгой, и следовательно, под руководством мэтра написал работу²³.

Особенность предлагаемых кафедрами тем на соискание медалей, и это следует из самой формулировки, состоит в том,

²⁰ Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб., 1890. Вып. 6. С. 22.

²¹ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / под ред. М.К. Лемке. СПб., 1911. Т. 1. С. 38–39.

²² Григорьев В.В. Указ. соч. С. XLV.

²³ Н.Г. Чернышевский в своём дневнике от 24.09.1848 г. пишет, что хочет поступить кандидатом на «педагогические лекции» к М.С. Куторге, о чём сообщает ученикам профессора – А. Воронину и некоему Лыткину, желая заручиться их поддержкой. См.: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений / под ред. Б.П. Козьмина. М., 1939. Т. 1. С. 130.

что преподаватели не только ставили проблему, но и сами её и решали или указывали путь решения, давая подробный план работы. На наш взгляд, такой подход к конкурсу загонял студентов в определённые рамки, лишал их возможности творческого подхода к проблеме. Зачастую начинающим исследователям оставалось лишь подобрать доказательства к той или иной гипотезе. Вероятно, предполагалось, что студентам довольно сложно самостоятельно справиться с поставленной проблемой, поэтому в качестве подсказки намечались пути её решения. Большинство учеников М.С. Куторги пробовали себя в решении таких задач, однако не всем удавалось получить награду. Но эти медальные сочинения являлись проверкой исследовательских способностей неофитов, их первыми шагами в науку.

Для работы со своими подопечными М.С. Куторга применял проверенную методику, которая была ему известна ещё со времени обучения в Дерпте. В целом считается, что появление исторических семинаров в России связано с влиянием немецких университетов²⁴. Через посредство Профессорского института в Дерпте и благодаря заграничным командировкам отечественных учёных эта традиция стала усваиваться и на русской почве. Известный немецкий историк И.Г. Дройзен в статье о научно-практических занятиях студентов в немецких университетах отмечал, что семинарская форма занятий появилась в Германии уже в XVIII в.²⁵ Их учреждение было вызвано необходимостью подготовки молодых людей к преподавательской деятельности путём методических и педагогических упражнений. Однако, по мнению И.Г. Дройзена, такая цель требует решения задачи подготовки будущих учителей и в научном плане, так как наилучший преподаватель тот, «кто

²⁴ *Кореева Н.С.* К вопросу о начале исторического семинара как формы занятий в Российских университетах // *Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.)*. Проблемы изучения: сб. ст. Казань, 2008. С. 81; *Антощенко А.В.* Das Seminar: немецкие корни и русская корона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVII – начала XX в. М., 2009. С. 263–270.

²⁵ *Дройзен И.Г.* О научно-практических занятиях студентов в германских университетах, преимущественно по истории // *ЖМНП*. 1869. Ч. CXLV. С. 79–80.

наиболее упражнялся в своей науке и достиг в ней наибольшего образования путём собственного, самостоятельного исследования»²⁶. Следует отметить, что М.С. Куторга также ратовал за фундаментальность в процессе подготовки учительских кадров. Так, в обсуждении об открытии педагогических курсов при Петербургском университете в 1859 г. взамен закрытому Педагогическому институту он выходил из себя, доказывая значимость классической древности в современном ему образовании. Он утверждал, что учитель в совершенстве должен знать греческий и латинский языки²⁷.

Возвращаясь к проблеме семинаров, скажем, что благодаря ним, студенты понимают, как нелёгко научный труд. Если на лекциях профессора предлагаются уже готовые выводы и заключения, то в ходе практических занятий, тщательно изучая источники, студенты могут самостоятельно выстроить цепь рассуждений и прийти к собственным результатам. При ответственном подходе к делу неопиты узнают, сколько усилий и терпения требует наука. Вследствие этого они становятся осторожнее в собственных умозаключениях и более взвешенно критикуют труды предшественников²⁸.

С помощью источников личного происхождения можно в общих чертах представить процесс проведения «вечерних бесед». Полной картины создать невозможно, так как описаний домашних семинаров М.С. Куторги крайне мало, и они очень кратки.

Профессор заранее перед студентом ставил проблему из области античной истории. Ученик самостоятельно её разрабатывал, и свой вариант решения оглашал в виде доклада молодым коллегам, собравшимся на квартире у М.С. Куторги. Домашние семинары проходили обычно вечером. Начинались они около шести часов, когда и профессор, и студенты освобождались от занятий в университете. После прочтения доклада следовало его обсуждение. Порой оно велось даже очень бурно, нередко завязывались горячие споры, в результате чего ученики покидали квартиру учи-

²⁶ Дройзен И.Г. Указ. соч. С. 80.

²⁷ Никитенко А.В. Дневник. М., 2005. Т. 2. С. 136–137. (Запись от 7.04.1859).

²⁸ Дройзен И.Г. Указ. соч. С. 82.

теля за полночь. Возможность высказаться, чётко и аргументировано изложить свою точку зрения была у каждого, более того – мэтр этого и требовал. М.С. Куторга, несмотря на свой вспыльчивый характер, терпеливо выслушивал даже те мнения, которые расходились с его собственным²⁹. Однако это совсем не означает, что обсуждение велось хаотично, и в итоге каждый мог оставаться на своих позициях. Мэтр старался направить спор с помощью наводящих вопросов в нужное для учебного процесса русло. По всей видимости, ученики в итоге приходили к выводам своего учителя.

Возможно и установление дня недели, в который проводились «вечерние беседы». Письмо М.М. Стасюлевича М.С. Куторге даёт нам веские основания предположить, что в 1840–1850-х гг. это была суббота: «Кланяйтесь от меня всем в субботу вечером, если у Вас по-прежнему собираются в этот день»³⁰.

Более подробную информацию о ходе «вечерних бесед» мы получаем из писем П.И. Люперольского. Однако это уже более поздние сведения, и они относятся к 60-м гг. XIX в. Именно тогда в связи с нехваткой преподавателей всеобщей истории в университетах министром народного просвещения А.В. Головинным было поручено М.С. Куторге заниматься с 3 магистрантами для приготовления их к профессорскому званию. Благодаря архивным материалам можно установить их личности – это некий Штейнман, И.О. Шиховский и в будущем довольно известный профессор П.И. Люперольский³¹. Формат проведения «вечерних бесед»

²⁹ *Дестунис Г.С.* Михаил Семёнович Куторга. Воспоминания и очерки // ЖМНП. 1886. Ч. 246. № 7. С. 5.

³⁰ Письмо М.М. Стасюлевича М.С. Куторге от 3.12.1856 г. // М.М. Стасюлевич и его современники... С. 260.

³¹ Черновик письма М.С. Куторги попечителю Петербургского учебного округа // ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 94. Л. 1. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что И.О. Шиховскому и Штейнману не удалось защитить магистерских диссертаций. В архивах на этот счёт не содержится каких-либо сведений. Мы установили лишь, что И.О. Шиховский сдавал магистерские экзамены в 1867 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16012. Л. 69 об. – 75). Им же была защищена диссертация *pro venia legendi* «О представительных учреждениях в древнем мире» в 1866 г., которая позволила ему читать курс по истории Римской империи (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16012. Л. 66–67).

был несколько изменён. Встречи с М.С. Куторгой осуществлялись у него на дому уже 2 раза в неделю. По пятницам являлись все трое, представляя приготовленные ими на заданную профессором тему письменные работы по древнегреческой истории. Эти сочинения, которые могли и не быть составной частью будущих магистерских работ воспитанников, обсуждались и правились. Главное, на что обращал внимание Куторга при их разборе – самостоятельность суждений магистрантов, привлечение максимума источников, их критика (глубокий источниковедческий анализ), а также знание историографии проблемы.

При этом мэтр был довольно строг, но справедлив, и не давал своим воспитанникам зазнаваться и преувеличивать важность сделанных открытий. Сверх того, по воскресеньям проходили индивидуальные консультации с профессором, где ученики отчитывались о своих наработках по избранной теме диссертации³². Они докладывали о прочитанных монографиях и статьях, давали им свою оценку о возможности их использования в исследовании. Кроме того, ученики рассказывали и о промежуточных выводах готовящейся диссертации. Далее – детально разбиралась доказательная база выдвинутых тезисов.

О результатах своих научных занятий ученики докладывали и в письмах в случае, если они не имели возможности общаться лично с учителем. Обычно это случалось летом, когда Михаил Семёнович, освободившись от лекций в университете, уезжал в своё имение в Могилёвскую губернию.

«Вечерние беседы», безусловно, приносили огромную пользу начинающим историкам. П.И. Люперсольский с искренней признательностью и чувством глубокого уважения к организатору домашних семинаров М.С. Куторге отмечает: «Я всегда буду памятовать и высоко ценить как Ваши полные высокого разума и глубокой опытности наставления и указания в деле науки, так и Ваш вполне бескорыстный и с тем вместе неустанный труд, с каким Вы постоянно занимались с нами в течение двух лет»³³.

М.С. Куторга занимался частным образом не только со студентами, но и с лицами, не имеющими отношения к Петербург-

³² ОР РНБ. Ф 410. Ед. хр. 146. Л. 1–2.

³³ Там же. Л. 4 об.

скому университету, но желающими достичь успехов в науке или повысить свою образованность. Так, из кратких писем М.С. Куторге, где говорится о переносе занятий, приглашениях на них, следует, что в 50-х гг. он занимался с Е.Э. Белосельской-Белозерской. Несколько лет спустя она с большой благодарностью вспоминала часы, проведенные в учёных беседах с профессором³⁴. Чуть позже, в конце 50-х гг., private занятия были и с великой княгиней Марией Николаевной³⁵, которая в знак признательности подарила мэтру английские часы³⁶, что, вероятно, свидетельствует о большом интересе ученицы к предмету. И разумеется, о её высокой оценке самих занятий.

Индивидуальные занятия М.С. Куторги с представителями высшего света заключались не только в чтении им лекций по древней истории, но и в подготовке и обсуждении их первых научных сочинений, выполненных под руководством профессора, т. е. здесь также происходило привитие навыков исследовательского труда. Отзывы, которые давал Михаил Семёнович на эти работы, наполнены откровенной лестью, что, думается, было стандартным в общении с высокопоставленными особами. Для иллюстрации приведём отрывок из черновика письма М.С. Куторги герцогу Николаю Максимилиановичу от 9.08.1863 г.: «Не знаю, как выразить удовольствие, испытанного мною при чтении прекрасного рассуждения, которое я имел честь получить от Вашего Высочества... Для старого учителя нет более приятного и более утешительного чувства, как видеть логическое и последовательное изложение мыслей, написанного не только правильным, но и изящным языком, и замечательное ещё в том отношении, что заключает в себе много нового, вовсе не говоренного в буквах»³⁷. Однако не следует думать, что М.С. Куторга только лишь слепо восхищался работами своих знатных воспитанников. Та преамбула в пись-

³⁴ Письмо Е.Э. Белосельской-Белозерской М.С. Куторге // ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 106. Л. 9.

³⁵ Письма К.Г. Ребиндера, секретаря великой княгини Марии Николаевны, М.С. Куторге // ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 161. Л. 1–3, 11.

³⁶ Письмо М.И. Рейнгардта, заведующего конторой двора великой княгини Марии Николаевны, от 17.05.1858 г. // ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 164. Л. 1.

³⁷ ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 92. Л. 2.

ме, которая приводилась нами выше, была, скорее, традицией общения с людьми из высшего сословия. Совершенно понятно, что профессор не мог, да и не имел желания обидеть таких учеников. После же комплиментарной части следовали конкретные замечания, причём их было довольно большое количество, что признаёт и сам М.С. Куторга³⁸. Как человек науки, он не мог их пропустить и не отметить. Порой даже мнение рецензента кардинально расходилось с авторским.

Приведённые выше факты свидетельствуют, что М.С. Куторга был довольно известным и уважаемым учёным и в высшем свете тоже. Он имел честь даже появляться на праздниках царской семьи, куда допускался лишь очень ограниченный круг лиц. Так, 6 декабря 1862 г. М.С. Куторга присутствовал на именинах князя Николая Максимилиановича, «где видел почти всех членов царского семейства»³⁹. Это событие мэтр настолько хотел запечатлеть в своей памяти, что записал его карандашом на письме от К.Г. Ребиндера, секретаря великой княгини Марии Николаевны. Такое благоприятное расположение и доверительность со стороны представителей высшей знати создавало личные связи, что являлось очень важным фактором успешности как в дореволюционной, так и по традиции в современной России. Так, М.С. Куторга имел возможность передавать записки министру народного просвещения А.В. Головнину, где, например, он хлопотал о своём возвращении в университет после возобновления его деятельности в 1863 г.

Таким образом, зарождение школы М.С. Куторги следует относить к началу 40-х гг. XIX в., хотя первые опыты организации неформальных встреч со студентами происходили ещё в конце 30-х гг. «Педагогические занятия» и «вечерние беседы» явились той основой, на которой происходило возвращение нового поколения исследователей путём передачи профессионального опыта и мастерства, знаний и ценностей от мэтра к воспитанникам и в целом постижение основ научного исследования. Важным моментом является то, что занятия проводились в том числе и в не-

³⁸ ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 92. Л. 2. Самих замечаний в архиве не удалось отыскать, только лишь указание на их наличие.

³⁹ Там же. Ед. хр. 164. Л. 3.

формальной обстановке, иногда даже совмещались с чаепитием, что создавало особую ауру доверительности и сотрудничества между учителем и его учениками. Здесь происходило становление профессионалов-историков, осваивалась методика научного исследования, передавались от учителя знания, умения и определялись будущие темы диссертаций, поэтому «вечерние беседы» и «педагогические занятия» можно назвать основой научной школы М.С. Куторги. Результаты деятельности мэтра начали проявляться уже с конца 40-х гг., когда в 1848 г. первый из воспитанников, В.М. Ведров, стал магистром всеобщей истории.